

В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА

Вот и всё...

Переломлен у лета хребет.

Раньше — вскользь, ныне —

в лоб эти дни замечаю.

Иван-чай да полынь — там,

где цвёл первоцвет,

Да, пожалуй, не быть ни Ивану,

ни чаю.

И соловушка в светлой дубраве

умолк.

И ползут по Руси

заполошные толки...

Потоптал луговины толь конь,

толи волк.

Если только остались

былинные волки.

Этим серым —

Ивану служить нипочём,

Вынося на хребте

из смертельного боя...

Перерублен у лета хребет

не мечом —

Острым стрижнем Днепровской

воды голубую.

Что за диво?

О чём бы сейчас ни писал,

Ожидая подспудно

печальной развязки.

Это только Кощей

своё царство проспал,

И добром завершаются

детские сказки.

Но куда стоят вековые леса,

И кузнечики в поле

звонят беспечно,

Пусть в глазах у тебя

не проглянет роса.

Не окончена лета великая тайна.

И быть может, на месте,

доселе пустом,

Называемом исстари — Дикое поле,

Мы посадим свой сад,

мы построим свой дом,

Чтобы места хватило двоим —

и не боле.

СУМЕРКИ

Под вечер навалится...

Впору не жить.

Ухабы беды превращаются в горы.

И мытарь —

летучею мышью кружит.

И входит печаль за замки и заборы.

Чадит и не плавится воска свеча.

И шелест химер прозвучал

за оградой.

И звёзды не бросят на землю луча

Утешной отрадой,

последней отрадой.

Читаешь синодик ушедших друзей,

А сердце стучится всё глуше,

всё реже...

Россия — одна! И не будет Расей

Средь пальм

и кипящих волной побережий.

С родного погоста, за пару минут,

Стакан, огранив полукружием хлеба,

Коль скоро родные тебя позовут,

Ты должен подняться

в холодное небо!

И чтобы полёта мгновенья — легки,

И встречи с грядущим

не горькими были,

За всё заплати и не делай долги,

Оставь пятаки бесполезные

в пыли.

Под вечер навалится... Впору не жить.
Светило ушло за леса и просёлки.
Но там, за покосами, в облаке ржи,
Кричат перепёлки, зовут перепёлки.

И зов их подхватят с утра петухи...
Со взглядом бессонным,
из призрачной дали,
Ты к ним возвратишься
пунктиром строки,
Певца непонятной,
закатной печали.

ТЫ — ЖЕНЩИНА!..

Ты — женщина-праздник
высокой весенней воды,
Гремящей в стремнине,
и тихо струящейся в плёсе.
Смывающей утром
с песчаного пляжа следы
Влюблённых, забывших на миг
о губительной прозе.

Ты — женщина-ода!
Из букв и старинных рунир,
Которые могут сложиться
в неожиданном порядке
И силою слова родить
удивительный мир,
Который поэт непременно
оставит в тетрадке.

Ты — женщина-осень,
готовая вечно в полёт,
Забыв прихватить
эти скромные строки в дорогу!
Ты вся — переводень, первоцвет,
перволёд.
Ты лествица в небо — тропинка,
ведущая к Богу.

Ты — женщина-небо!
Пристаннице стай лебедей,
Пославших призывно на землю
печальные клики,
Неслышные уху спешащих
куда-то людей.
Упавших под вечер на алый ковёр
земляники!

Ты — женщина-воздух!
И я, задыхаясь в пыли,
Не выдержав всеу удушье
пронзительной муки,
Рубаху рвану,
опрокинувшись ниц в ковылы,
Крестом распластав по земле
непослушные руки!

ВРЕМЯ ВЫШЛО

Время — вышло.
Хлопнув дверью, вышло,
На пороге пальцем помяня.
Грустью глаз заворожённых —
вишня,
Проводи в далёкий путь меня.

Ты прости, прощай —
грядут морозы.
Вороньём на Русь слетелась мгла...
Далеки июньские стрекозы.
Яуза от стужи замерла.

Всё в былом и ничего не надо?
Память половицей не скрипит?
Низкая железная ограда.
В ожиданье сына мама спит.

А в стране, что залегла по пояс
В зимние холодные снега,
Ты живи, ничем не беспокоясь.
Лишь живи — и вся тут недолга!